

Ирина Петрова

Когда в 1906 году у него родилась дочь, он назвал её Миррой. Воспоминание о встрече с ней осталось у Бальмонта в числе самых дорогих событий на всю жизнь. Уже навсегда покинув Россию, находясь в Париже, он пишет своей второй жене Е.А.Андреевой-Бальмонт (с ней он расстался в 1905-м, но продолжал дружеские сношения и переписку):

1924, 15 сентября

“Я сижу перед своим огромным, черным письменным столом. Направо и налево груды книг... А предо мною – у стены - ... маленькая иконка Пресвятой Девы с Младенцем, Катя Андреева в кавказском наряде... слева – Мирра Лохвицкая в лике семнадцатилетней девушки, она же в лике красивой женщины нашей встречи...”

(Е.А.Андреева-Бальмонт. “Воспоминания”. М., 1996, С.527).

Можно думать, что в сонме воспоминаний поэта возникали перед ним видения сказочных высот Балаклавы и её неповторимой спокойной гавани.

Примечания

1. В. Крейд в книге “Воспоминания о серебряном веке”. М.: Республика, 1993, С.485
2. К. Бальмонт. “На заре”. // Простор, 1967, №6, С.84.

“МОРЕ ПЕЛО О ЛЮБВИ“...

К. Бальмонт и М. Лохвицкая в Балаклаве

Санкт-Петербург
2001

Ирина Петрова (Богданова).

«Море пело о любви...».

К. Бальмонт и М. Лохвицкая в Балаклаве.

- СПб., 2001. - 12 с.

Раздумья о почти неизвестной странице жизни двух талантливейших поэтов конца XIX века Константина Бальмонта и Мирры Лохвицкой, связанной с их пребыванием в Крыму и, в частности, в овечьих преданиями и легендами древней Балаклаве.

Издание осуществлено за счет средств автора.

Редактирование и компьютерная верстка —

Василий Петров.

Отзывы и предложения просьба направлять по адресам:

vnptr@mail.ru или iipetrova@narod.ru

© Петрова И.И., 2001

7

Вот уж с яркою звездой
Гаснет месяц молодой.
Меркнет жадный свет его.
Исчезает колдовство.

Скучным утром дышит даль,
Старой башне ночи жаль,
Камни серые глядят,
Неподвижен мертвый взгляд.

Ветер в пропасти встает,
Песню скучную поет.
Между скал, под влагой мглы.
Просыпаются орлы.

1898, Балаклава

1899

Бальмонт на всю жизнь сохранил в душе глубокое чувство к этой незаурядной женщине. 17 сентября 1905 года Бальмонт написал в память Лохвицкой четверостишие:

*О, какая тоска, что в предсмертной тиши
Я не слышал дыханья певучей души,
Что я не был с тобой, что я не был с тобой,
Что одна ты ушла в океан голубой.*

Вскоре он вновь обращается к её тени:

*Мне чудится, что ты в одежде духов света
Витаешь где-то там — высоко над землей...*

5

Возле башни, в полумгле,
Плачет призрак Джамиле.
Смотрят тени вдоль стены,
Светит месяц с вышины.

Все сильней идет прибой
От равнины голубой,
От долины быстрых вод,
Вечно мчащихся вперед.

Волны яркие плывут,
Волны к счастью зовут.
Вспыхнет легкая вода,
Вспыхнув, гаснет навсегда.

6

И еще идут, идут,
И одни других не ждут.
Каждой дан один лишь миг,
С каждой есть волна-двойник.

Можно только раз любить,
Только раз блаженным быть.
Впить в себя восторг и свет, -
Только раз, а больше — нет.

Камень падает на дно.
Дважды жить нам не надо.
Кто ж придет к тебе во мгле,
Белый призрак Джамиле?

В 1898 году, находясь в зените своей известности и славы, в Крыму побывал один из столпов поэзии “серебряного века” Константин Дмитриевич Бальмонт (1867-1942). В том же году там была и талантливая поэтесса Мирра (Мария) Александровна Лохвицкая (1869-1905). Можно думать, что их пребывание там по крайней мере в течение некоторого времени было совместным, поскольку это была пора их взаимного интереса и восхищения. Это была пора их взаимного интереса и восхищения. Знакомство с Миррой Александровной состоялось, не позднее ноября 1897 года¹. Тогда Бальмонт приехал из Англии с целью издания своего стихотворного сборника “Тишина”. Их роман шумно обсуждался в литературных кругах. Бальмонт в ту пору посвятил Лохвицкой несколько стихотворений, из них, возможно, самое раннее “Я знал”:

*Я знал, что, однажды тебя увидав,
Я буду любить тебя вечно...*

Для М.Лохвицкой эта поездка, вероятно, была обусловлена и необходимостью лечения — всего через семь лет недуг свел её в могилу. Некоторое время, судя по стихам, путешественники прожили в Балаклаве. (Во всяком случае помета “Балаклава” есть на стихотворении “Чары месяца”). Прогулки по выжженным склонам, где вокруг разноцветные горы, и непременно где-то обозначатся древние руины или жгучей синью полыхнет гладь знаменитого залива, преломились в лирике обоих поэтов. Проследить это тем более интересно, что сам Бальмонт в 1929 году признавал: “Светлые следы моего чувства к ней и ее чувства ко мне ярко отразились в моем творчестве и в её”². Если расположить их стихи, написанные в 1898 году, рядом, оказывается, что оба поэта остро пережили и прочувствовали здешнюю природу в различное время суток и оставили нам удивительно цельную поэтическую картину. Войдем в их мир.

М. Лохвицкая

УТРО НА МОРЕ
из цикла “Новые песни”

Утро спит. Молчит волна.
В водном небе тишина.
Средь опаловых полей
Очертанья кораблей
Тонким облаком видны
Из туманной белизны.

И, как сон, неясный сон,
Обнял море небосклон,
Сферы влажные стеснил,
Влагой воздух напоил.
Всё прозрачней, всё белей
Очертанья кораблей.

Вот один, как тень встает,
С легкой зыбью к небу льнет,
Сонм пловцов так странно тих,
Лики бледные у них.
Кто они? Куда плывут?
Где воздушный их приют?

День порвал туман завес —
Дня не любит мир чудес.
В ширь раздался небосвод,
Заалела пена вод —
И виденья-корабли
Смутно канули вдали.

3

Возле башни, у стены,
Где чуть слышен шум волны,
Отделился в полумгле
Белый призрак Джамиле.

Призрак царственной княжны
Вспомнил счастье, вспомнил сны,
Всё, что было так светло;
Что — ушло — ушло — ушло.

Тот же воздух был тогда,
Та же белая вода,
Там, высоко над водой,
Тот же месяц молодой.

4

Всё слилось тогда в одно
Лучезарное звено.
Как-то странно, как-то вдруг,
Всё замкнулось в яркий круг

Над прозрачной мглой земли
Небеса произнесли,
Изменяясь едва,
Незабвенные слова.

Море пело о любви,
Говоря: “Живи! Живи!”.
Но, хоть вспыхнул в сердце свет,
Отвечало сердце: “Нет!”.

К. Бальмонт

ЧАРЫ МЕСЯЦА

Медленные строки

1

Между скал, под властью тьмы,
Спят усталые орлы.
Ветер в пропасти уснул,
С моря слышен смутный гул.

Там, над бледною водой,
Глянул месяц молодой,
Волны темные воззвал —
В море вспыхнул мертвый вал.

В море вспыхнул светлый мост,
Ярко дышат брызги звезд.
Месяц ночь освободил,
Месяц море победил.

2

Свод небес похолодел,
Месяц миром овладел,
Жадным взором с высоты
Тронул горные хребты.

Всё безмолвно захватил,
Вызвал духов из могил.
В серых башнях, вдоль стены,
Встали тени старины.

Встали тени и глядят,
Странен их недвижный взгляд,
Странно небо над водой,
Властен месяц молодой.

К. Бальмонт

СРЕДИ КАМНЕЙ

из книги "Горящие здания"

Я шел по выжженному краю
Каких-то сказочных дорог.
Я что-то думал, что не знаю,
Но что не думать — я не мог.

И полумертвые руины
Полузабытых городов
Безмолвны были, как картины,
Как голос памятных годов.

Я вспоминал, я уклонялся,
Я изменялся каждый миг,
Но ближе-ближе наклонялся
Ко мне мой собственный двойник.

И утомительно мелькали
С полуослепшей высоты,
Из тьмы руин, из яркой дали,
Неговорящие цветы.

Но на крутом внезапном склоне,
Среди камней, я понял вновь,
Что дышит жизнь в немом затоне,
Что есть бессмертная любовь.

М. Лохвицкая

ВЕЧЕР В ГОРАХ

За нами месяц, пред нами горы,
Мы слышим море, мы видим лес.
Над нами вечность, где метеоры
Сгорают, вспыхнув, во мгле небес.

Темнеет вечер. Мы ждем ночлега.
Мы ищем счастья, но счастья нет.
Слабеют кони, устав от бега.
Бессильны грезы сожженных лет.

Ленивым шагом мы едем кручей.
Под нами гаснут уступы гор.
Мы любим бездну и шум могучий,
Родного моря родной простор.

Уж близко, близко. Уж манит взоры
Огней селенья призывный свет.
За нами месяц. Пред нами горы.
Мы ждали счастья, но счастья нет.

К. Бальмонт

ВОЛНА

Набегает, уходит и снова, светясь, возвращается.
Улыбается, манит и плачет, с притворной борьбой.
И украдкой следит, и обманно с тобою прощается, -
И мелькает, как кружево, пена во мгле голубой.
О, волна, подожди! Я уйду за тобой!
О, волна, подожди! Но отхлынул прибой.

ГАВАНЬ СПОКОЙНАЯ

Гавань спокойная. Гул умирающий.
Звон колокольный, с небес долетающий.
Ангелов мирных невнятное пение.
Радость прозрачная. Радость забвения.
Гор отдаленных вершины узорные,
Алые, белые, темные, черные,
Созданный духами ярко-певучими,
Радуги свод над огромными тучами.

Сладко-печальная мгла полусонная,
Тихой вечерней звездой озаренная.
Богом открытая правда мгновения.
Буря умершая. Свет и забвение.

За три года до того, в 1895-м, Лохвицкая написала поэму “Джамиле” - печальное повествование о турецкой княжне, которая идет на свидание с любимым, зная, что расплатится за это жизнью:

*- Вы так печальны, Джамиле?
Ваш взор парит в дали безбрежной...
- Сегодня ночью я должна
Пробраться тайно на свиданье...*

Неудивительно, что в Балаклаве, находясь в плену крымской ночи у стен овечьего легендами генуэзского (потом турецкого) замка рядом с автором “Джамиле”, Бальмонт сочиняет свою балладу о Джамиле.